

К. Е. СКУРАТ,
 профессор Московской Духовной Академии,
 доктор Церковной истории

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — отец Востока и Запада

Продолжение. Начало в № 1 (7) и 2 (8) за 1998 г.

III. БОГОСЛОВИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

2. УЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА О СТРАСТЯХ

*Пригвоздившись к страху Господню ... мы
 можем умертвить все наши похоти и плот-
 ские страсти.*

Преподобный Кассиан. — (44)¹.

Достижение чистоты и непорочности всего человеческого естества пред Лицом всевидящего Бога есть конечная цель православного христианского подвижника. На этом пути очищения стоят пороги — страсти, которые должно сокрушить и выбросить — изгнать из себя. Преподобный Иоанн Кассиан не дает точного определения, что такое страсть. Однако из его суждений нетрудно заключить, что страсть — это греховное желание и сам грех, овладевшие силами человека, это испорченность, повреждение естественных движений духовных и телесных².

¹ Стоящая в скобках цифра (или цифры) указывает страницу творений преподобного Кассиана по книге: *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Перевод с латинского. Сергиев Посад, 1993.*

² Для большей ясности можно привести определения страсти святителей Русской Православной Церкви Тихона Задонского (1724–1783) и Феофана Затворника (1815–1894).

“Идоли в сердце — страсти”, — говорит святитель Тихон. (Его же. Творения. Том.3. М., 1899. С.192.)

Задачу, подлежащую решению, преподобный Кассиан видит ясно и отчетливо: “При содействии Господа... мы располагаемся теперь изобразить борьбу против восьми главных пороков... 1) надлежащим образом исследовать свойства их, столь мелкие, столь скрытые и мрачные; 2) достаточно изложить причины их и 3) представить пригодное врачевство и средства против них” (48–49).

Вот восемь главных страстей: 1) чревоугодие, “которое означает страсть обжорства”, 2) блуд, 3) сребролюбие, “под которым разумеется корыстолюбие или, если точнее выразиться, любовь к деньгам”, 4) гнев, 5) печаль, 6) уныние, “которое есть тоска или скорбь сердца”, 7) тщеславие, “это тщетная, пустая слава”, 8) гордость (49).

Преподобный Кассиан сначала в общих чертах классифицирует все восемь страстей по их природе, по способу их действия и причинам инициации, а затем делает достаточно подробный анализ каждой страсти в той же последовательности, в которой их и перечислил. Есть пороки естественные — к ним относятся чревоугодие и блуд, и неестественные — к ним преподобный Кассиан относит одно сребролюбие. Что касается их действия, то некоторые из них совершаются при непременно участии тела — чревоугодие и блуд, а некоторые — без всякого содействия тела — тщеславие и гордость. “Далее, некоторые

“Страсти, — рассуждает святитель Феофан, — это сильные стремления внутреннего настроения порочного сердца. Они глубоко входят в естество души, и долгим властвованием над нею и привычным удовлетворением их до такой степени сродняются с нею, что составляют, наконец, как бы ее природу” (Его же. Адские мучения. Домашняя беседа. 1873. Вып.4. октябрь. С.996.)

принимают причины возбуждения извне, например сребролюбие и гнев, а некоторые от внутренних причин происходят, например уныние и печаль" (240).

Первая брань, в которую вступает подвижник, есть брань против чревоугодия, именуемого Преподобным еще "чревобесием", страстью "к объядению" (50). Виды или свойства чревоугодия бывают разные: прием пищи ранее назначенного часа, пресыщение любой пищей, лакомство (64). Во всем этом просматривается одна причина — стремление к беспорядочному угождению чрева, а сие, в конечном счете, ведет к расстройству ума, к помрачению его, к лишению чистоты, непорочности. "Так причиной погибели и разврата содомлян было не одно пьянство, но и пресыщение... *гордость в сытости хлеба и избобилии вина* (Иез. 16,49)" (52).

Врачуется чревоугодие воздержанием, постом и молитвенным бдением (56). Правильное воздержание и пост состоят в умеренности. Принимая пищу, необходимую для поддержания тела, надо вставать из-за стола в то время, "когда еще хочется есть" (52–53). Пост не может быть для всех одинаковым, ибо у всех разная крепость тела. "Но у всех должно быть одно правило" — укротить плоть "для воздержания сердца и укрепления духа" (51). Каждому нужно поститься столько, сколько ему необходимо для этого укрощения. "Неумеренный пост не только может расслабить дух, но, обессилив тело, ослабить и силу молитвы" (53). Следует также помнить, что умеренность в употреблении пищи подобает соблюдать и после поста. Тот, кто поступает иначе, снова производит в теле расслабление. Даже "строгие посты делаются напрасными, когда за ними последует излишнее употребление пищи, которое доходит до порока чревобесия" (53). Но одного телесного поста недостаточно. Он должен соединяться с постом душевным, "ибо и душа имеет свою вредную пищу". Это: злословие, гнев, зависть, тщеславие, "похоть и блуждание" сердца. Итак, "постясь по внешнему человеку, вместе должно воздерживаться от вредной пищи и по внутреннему, которого святой апостол (Павел. — К.С.) особенно убеждает представить чистым Богу, чтобы удостоиться принять в себя гостя — Христа" (62–63).

Вторая брань, второй подвиг предлежит против блуда, самый продолжительный — с юности и до старости или до победы прочих страстей.

В этой брани "весьма немногие одерживают совершенную победу" (76). Здесь, как и в борьбе с чревоугодием, имеет также значение пост. Но для приобретения и сохранения целомудрия одного телесного поста недостаточно. Нужны еще: постоянная молитва, чтение Священного Писания и размышление над ним, а также физический труд. В основание же сей борьбы должно быть "положено истинное смирение, без которого нельзя победить совершенно никакого порока" (73). Вместе с тем, необходимо с самого начала брани очищать "тайники нашего сердца" (78), усовершенствовать наше сердце, "из которого, по слову Господа, исходит гной этой болезни" (74). Чтобы чиста была внешность, надлежит прежде очистить внутренность (Мф. 23,2) (74). Возникающие плотские помыслы и сопряженные с ними плотские чувства надо изгонять и "разбивать" тотчас, немедленно, пока

они еще не укрепились. "А если они не будут убиты, пока молоды, то при потворстве выросши, они на нашу погибель с большею силою восстанут или по крайней мере не без большого труда и стенания будут побеждены" (80). Много содействуют побеждению блудной страсти уединение и покой, когда "больная душа" не тревожится греховными образами, восходит "к более чистому созерцанию", может легче "совершенно истребить возбуждение похоти" (75). А чтобы "нечистые грезы" не возникали даже во сне, для сего должно постоянно соблюдать "равномерный и умеренный пост", к нему присоединить "постоянное смирение и терпение сердца", неусыпную бдительность и осторожность против яда гнева и других страстей в течение дня (84). Окончательная же победа над страстью блудной совершается с помощью благодати Божией. (Это относится и к преодолению всех пороков). "Ибо не чувствовать жала (похоти) плоти некоторым образом значило бы пребывающему в теле выйти из плоти, и облеченному брению плотью стать выше природы. И потому невозможно человеку, так сказать, на своих крыльях взлететь к столь высокой небесной награде, если благодать Божия даром целомудрия не возведет его от грязи земной" (76).

Третий подвиг — борьба со сребролюбием. Страсть эта происходит от недостаточной любви к Богу, от вялости и расслабления духа. Проникнув в сердце, она "бывает гибельнее всех", доставляет "многоразличные поводы к

порокам" (84–85). Сребролюбцы — это люди, прокляженные умом и сердцем. Они уподобляются неверному слуге пророка Елисея Гиезию, пожелавшему "тленных денег" и наказанному за это *язвою нечистой проказы* (4 Цар. 5,27). Пораженная сей страстью душа нечиста пред Богом и "подвергается вечному проклятию" (98).

Развивается эта страсть постепенно. Сначала появляется желание к стяжанию малого — как бы "приобрести хоть один динарий" (мелкую серебряную монету). Далее возникает все большая и большая озабоченность, "алчность к золоту", пока, наконец, жалкая душа сребролюбца не распаляется так жестоко, что всецело захватывается мыслью "о прибыли, ничего другого не видит" — "надежда корысти становится во всем вместо Бога". А отсюда происходят всевозможные злодеяния: ложь, воровство, нарушение верности, воспламенение вредным гневом и т.д. (87–88). Но заболеть этой страстью можно и не имея денег, а лишь вынашивая в своем уме и сердце любостяжание, не имея при том возможности или случая к служению маммоне (Мф. 6,24), а не воли. Поистине, "достойно сожаления терпеть невыгоды нищеты и наготы, а плодов их лишиться от порока тщетного желания" (96–97).

Чтобы страсть сребролюбия не возобладала над человеком, должно изгнать из души само желание к стяжанию, не допустить, чтобы "непотребный дух" посеял в сердце "начала этого вожделения" (96. Ср.: 99). В самом начале сделать сие не сложно. Сребролюбие "побеждается без всякого труда, когда кто, так держится правил кинонии, что оставив все имущество, из него не позволяет оставить у себя ни одного динария" (245). Конец этой страсти не в богатстве, а в нестяжательности (97).

Четвертый подвиг направлен против духа гнева. Одержимый данной страстью не может иметь правильной рассудительности, зрелого совета, твердости в правде, а, главное, "достигнуть жизни бессмертной" (100–101). Даже не обнаруживающий свой сердечный гнев вовне, хотя и не оскорбляет окружающих людей, "но исключает светлое сияние Святого Духа, все равно как и обнаруживающий на деле" (108).

Но гнев может быть и спасителен, когда человек гневается "на приходящие худые помыслы", на самого себя за недостойную жизнь, на сам гнев за то, что он возгорелся в нем против брата. "Гневайтесь на пороки и ярость вашу", — повторяет преподобный Кассиан вслед за святым апостолом Павлом (Еф. 4,26–27) (105–106). Но в других случаях гнев непозволителен. Решительность такого запрещения понять легко, если вспомнить и сопоставить повеление святого апостола Павла непрестанно молиться (1 Сол. 5,17) и заповедь Спасителя приносить дар к алтарю только будучи примиренным со своим братом, с ближним (Мф. 5,23–24). "Итак, остается или никогда не молиться, удерживая такой яд в сердцах своих, и быть виновником в нарушении этой апостольской заповеди, которою повелевается непрестанно и везде молиться, или, если обманывая самих себя, хотим приносить молитву вопреки ее запрещению, то должны знать, что будем приносить

Господу не молитву, а упрямство в духе противления Ему" (108).

Достоинство безгневия определяется не совершенством других (это не наша заслуга), а нашей добродетелью, "которая приобретается не чужим терпением, а нашим великодушием" (110). Приобретение великодушия может приниматься и как деятельное средство к победе над гневом.

Совершенное исцеление от гневной болезни наступит тогда, когда мы, с помощью Божией, перестанем сердиться и по справедливым причинам, и по несправедливым, помня, что и в одном, и в другом случаях "чистота нашего духа" может возмутиться и он перестанет быть "храмом Святого Духа". К тому же, как уже было отмечено, "нам разгневанным нельзя будет молиться". Особенно к полнейшему уврачеванию от гнева служит памятование о непрочности земного бытия человека, о неизвестности нашей кончины, о том, "что в каждый день можем переселиться из тела, и нам не доставят никакой пользы ни воздержание целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды поста и бдения, когда нам Судия вселенной угрожает вечным наказанием за один гнев и ненависть" (113). (Ср. о гнев: 525–527).

Пятый подвиг состоит в брани против печали. Показывая ее свойства и вред для духовной жизни, преподобный Кассиан именует ее едкой страстью, лишаящей нас "способности к Божественному созерцанию", не позволяющей "ни совершать молитвы с обычной ревностью сердца, ни с пользою заниматься священным чтением", не позволяющей быть спокойными, кроткими к братьям и терпеливыми в трудах, совершенно расслабляющей и угнетающей наш дух, подавляющей "мучительным отчаянием" (114). Печаль вредит нам так, как моль одежде, а червь дереву. Съедаемая ею душа не может быть тем духовным храмом, о котором говорил святой апостол Павел (1 Кор. 3,16) (114–115).

Рождается печаль от неисполнения наших надежд, от неудовлетворенности желаний, но больше всего "от нашей порочности" и действий злых духов (115). "Бесовская печаль" особенно жестока — она упраздняет духовные плоды (117). Посему и эту болезнь надо с не меньшей заботливостью врачевать, а для сего должно освободиться от рождающих ее причин (114. Ср.: 118).

Однако в одном случае печаль, как и гнев, приносит пользу. Это бывает тогда, когда она происходит от покаяния в грехах, от желания совершенства и будущего блаженства; когда она бывает печалью ради Бога (2 Кор. 7,10). Такая печаль смиренна, кротка, терпелива, послушна, "как происходящая от любви к Богу" (117).

Сродна с печалью шестая страсть — уныние. Охватывая этой болезнью "несчастливая душа" расслабляется, впадает в духовную спячку, лень, беспечность, нерадивость "ко всякому делу" (120–121). Появляется "страх места, омерзение к келье", отвращение и презрение к братьям, "как к нерадивым и менее духовным" (119). Нападает дух уныния особенно около полудня, потому "некоторые из старцев называют его

бесом полуденным”, о котором упоминается в девяностом псалме (118).

Лучшим лекарством к лечению от уныния является труд. Потому египетские святые отцы не позволяли инокам быть праздными. В Египте составила даже поговорка: “Работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов” (133). Авва Павел своим примером — непрерывным трудом учил, “что без дела рук невозможно монаху пребывать на одном месте, ни достигнуть когда-нибудь верха совершенства, так что, хотя необходимость пропитания вовсе и не требовала этого, он работал для одного очищения сердца, собранности помыслов и постоянного пребывания в келье, или для победы и прогнания самого уныния” (134).

Седьмая страсть (или, по слову преподобного Кассиана, “седьмой подвиг против...” — тщеславие — многообразна и разнообразна, встречается везде и во всем. “Она и в одежде, и в наружном виде, в походке, в голосе, деле, бдении, посте, молитве, отшельничестве, чтении, знании, молчании, послушании, смирении, долготерпении старается уязвить воина Христова” (135,136). Тщеславие не ослабляется ни возрастом, ни уединением, ни пустыней (“с бегущим в пустыню проникает”. — 138). Тщеславие искушает и приятным звуком голоса, и истощенной постом плотью, и красотой тела, и благородством родителей... “Иногда также внушает монаху, что достоинства и богатства, которых, может быть, никогда не мог бы и достигнуть, он очень легко получил бы, если бы оставался в мире. Также вдыхает в него суетную надежду в сомнительном, и в том, чего никогда не имел, восхищает суетною славою, как будто он сам то презрел” (140). Тщеславие может внушать желание искать степеней клира с целью учить других и давать пример святости прочим священнослужителям (140–141). Свойства этой страсти старцы хорошо представляют “под образом лука и чеснока, которые, по снятии одного покрова оказываются покрытыми другим, столько оказывается покровов, сколько их будет снято” (137). Особенно опасным становится тщеславие, когда оно соединяется с добродетелями. “Прочие страсти, — размышляет преподобный Кассиан, — при противоборстве противоположных им добродетелей, открыто, как бы ясным днем воюющие, удобнее можно победить и предостеречься их; а эта, прильнувши к добродетелям, вмешавшись в строй войска, сражается как в темную ночь и потому коварнее обманывает не ожидавших и не остерегавшихся ее — под видом добродетелей пронзает и режет победителя” (138,135).

В зараженных страстью тщеславия явно просматривается недостаток истинного смирения, поэтому и лечить сие надо путем избегания всего того, что может нас выделить из других, вызвать у людей похвалы. Во всех наших поступках должны проявляться заботливая рачительность и рассудительность. Сделанное хорошо подобает “охранять с должным вниманием” (142–143, 138)... *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимает славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите* (Ин. 5,44) —

словами Самого Господа вопрошает преподобный Кассиан (140).

Восьмая страсть — гордость — самая лютая и свирепая, уничтожающая не одну только противоположную ей добродетель — смирение, а все добродетели (143,146). “Эта страсть, хотя последняя по времени борьбы с пороками, и по порядку исчисления ставится последней, а по важности и по времени она первая” (143). Это такая губительная болезнь, которая “повреждает смертоносным расстройством” не один член или его часть, а все тело — ей заболевают и новоначальные, могут заболеть ей и стоящие “почти на верху добродетелей” (144,143,157,146). Сила ее жестокости хорошо видна в том, “что тот ангел, который за превосходство блеска и красоты своей назван люцифером, низвержен с неба ни за какой другой порок, а за этот” (144).

Признаки гордости очевидны: надменность, несоблюдение каких-либо правил послушания или подчинения, упрямство, превозношение, самомнение, самонадеянность, пренебрежение интересами других, холодность к благочестию, даже крикливость в разговоре, “в молчании досада, в веселии громкий, разливающийся смех, в печальном случае неразумная скорбь, в ответе строптивость, в речи легкомысленность... Она не имеет терпения, чужда любви, дерзка для нанесения оскорблений, а к перенесению их малодушна...” (158,159,161,162).

Победить страсть гордости — “этого злейшего духа” — возможно лишь с помощью благодати Божией, милосердия Божия, полагая в основание страх Божий и стяжая смирение, “которое происходит от кротости и простоты сердца” (148,162). — Без усилий и трудов невозможно достигнуть евангельского совершенства, но и “одними трудами никто не может достигнуть совершенства без благодати Божией” (150). — На этом победоносном пути огромное значение имеют постоянные размышления о страданиях нашего Спасителя и всех святых, о том, что “искушающие нас обиды столько легче, сколько дальше мы отстоим от их заслуг и поведения”, также о том, “что мы через короткое время переселимся из этого века, и по скором окончании этой жизни мы тотчас будем соучастниками их” (164). Последние размышления весьма полезны не только для истребления гордости, но и всех пороков. Все восемь страстей, указанных преподобным Кассианом, искушают весь человеческий род, но нападают они не на всех одинаково. “В одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает ярость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует” (250–251). Отсюда вытекает правило, что главное внимание должно направить на искоренение господствующей страсти, той, которой “раболепствуем” (251), “которая больше нападает на нас” (261).

Первые шесть страстей (чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль и уныние) соединены между собой неким “сродством”, “так что излишество первой страсти дает начало последующей”. Так, “от излишества” чревоугодия происходит блуд, от блуда — сребролюбие и т.д. В подобном же порядке надобно и сражаться против

них, чтобы вырвать их корни. Чтобы победить уныние — надо изгнать печаль, чтобы поправить печаль — должно погасить гнев и т.д. Последние же две страсти (тщеславие и гордость) также связаны подобным образом, но только между собой: тщеславие рождает гордость, чтобы истребить гордость — надо избавиться от тщеславия. С первыми шестью страстями в таком союзе они не состоят. Более того, “по истреблении тех эти сильнее плодятся, и по умерщвлении тех живее возникают и возрастают”. Этим двум страстям подвергаются особенно тогда, когда одержана победа над прочими страстями (246–247).

К восьми страстям преподобный Кассиан присоединяет еще два порока: идолопоклонство и хулу, но не ставит их в указанную выше взаимосвязь. О них он лишь свидетельствует: идолопоклонству и хуле “было подвержено множество нечестивых язычников и богохульных иудеев” (258).

Таким образом, победив сильнейшую страсть, легче одержать победу над последующими — слабейшими. Однако надо остерегаться, чтобы в противоборстве первичной — главной страсти, не обращая внимания на прочие, не быть неожиданно уязвленными и от них (251).

Совершенной чистоты достигают тогда, когда помнят, что Бог видит и знает все не только дела, но и самые тайные мысли, и когда верят, что за все сокровенное, сказанное и сделанное должно будет дать отчет на последнем и Страшном Суде (83).

С победой над страстями прекратятся и происходящие от них пороки, а их место, с Божией помощью при усердии подвижника, займут противоположные им добродетели. О последнем уже упоминалось при рассмотрении творений преподобного Иоанна Кассиана Римлянина.

3. БРАНЬ С ДУХАМИ ЗЛА ПО НАСТАВЛЕНИЯМ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6,12).

В царство диавола (вельзевула) вступают чрез совершение пороков... Где царство диавола, там, без сомненья, смерть и ад, в котором кто будет, тот не может восхвалять Господа...

(Из ответа аввы Моисея в изложении преподобного Кассиана. —177).

Борьба со страстями есть вместе с тем и борьба с духовными силами зла, стоящими за ними и другими пороками. Вступившие в борьбу “по внутреннему человеку” и испытывавшие ее не сомневаются, что враги спасения

“непрестанно наветуют нам”, подстрекают ко злу, противоборствуют нашему деланию добра. В этом они имеют некоторую свободу — “им дана власть подстрекать”. Но и человеку дана Богом сила отвергать все их действия и, более того, сокрушать их “вредоносную славу” или свободно соглашаться с ними (287,45).

Действия нечистых духов различны: обольщают людей, насмехаются над ними, иногда со свирепостью жестоко терзают их, потешаются кровопролитиями и войнами, наполняют сердца гордостью, внушают казаться “тщеславными великанами, знаменитыми, достойными внимания всех”, или наоборот — униженными, льстивыми, почтительными к высшим властям. Некоторые из них пытаются внушить людям не только ложь, но и страшнейший грех — богохульство. “Мы,—пишет преподобный Кассиан,— были свидетелями этого дела, слышали, что демон явно сознавался, что он чрез Ария и Евномия произвел нечестие святотатственного учения” (303). Священное Писание свидетельствует, что у каждого человека есть два ангела — добрый, который *ополчается вокруг болящегося Бога* (Пс. 33,8; Мф. 18,10), и злой, приступающий к нечестивому и становящийся одесную его (Пс. 108,6) (316).

Господь любящим Его и верно Ему служащим иногда посылает искушения — различные трудности, чтобы этими испытаниями или отвлечь их от возможного увлечения скоропреходящим, или еще более укрепить и приучить к терпению и прочим добродетелям. От живущих же только интересами земными и погрязающими в пороках Господь отступает, как от грешников не способных к исправлению. Потому-то преподобный Кассиан и скорбит: “Надобно считать истинно несчастными и достойными сожаления тех, которые, оскверняя себя всеми пороками и преступлениями, не терпят явно не только никакого нападения дьявольского, но и никакому не подвергаются искушению, соответствующему их делам, и никакому бичу для исправления. Ибо не заслуживают скорого и легкого врачевания в этом времени те, которых упорство и нераскаянность сердца, превосходя наказание настоящей жизни, собирает им гнев и негодование в день гнева и откровения праведного суда Божия (Рим. 2,5), когда червь их не умрет и огонь их не угаснет (Ис. 66,24)” (301–302).

Но допуская воздействие на человека нечистых духов, Господь ограничивает их способности. Они не могут знать наших мыслей, а также не знают приняты ли нами внушаемые ими греховные мысли. Одно и другое они узнают лишь по чувственным — внешним признакам, “то есть не по внутреннему движению, скрывающемуся в мозге, но по движениям и признакам внешнего человека” (290). Противоборствуя успехам подвижника, они лишь подстрекают его ко злу, но принудить совершить зло не имеют власти (287). А что они не могут вредить всякому человеку по произволу, об этом ясно свидетельствуют библейские примеры. Святой праведный Иов искушался ровно столько, сколько было позволено сие волей Божией. В святом же Евангелии говорится,

что злые духи без повеления Спасителя не могли войти даже в стадо свиней, потому просили: *Если выгоним нас, то пошли нас в стадо свиней* (Мф. 8,31) (295). Ограничивая власть искушителя, Господь наш Иисус Христос Своим примером указал действенное средство для борьбы с ним. Отвергая “тщеславного обольстителя”, Он привел изречение Священного Писания: *Не искушай Господа Бога твоего* (Мф. 4,7; Втор. 6,16). Этим свидетельством “научаемся, — говорит преподобный Кассиан, — что и мы также словами Священного Писания должны противиться лукавым внушениям врага” (577).

Другим победоносным средством в брани со злой силой служит крестное знамение, полагаемое на себя с благоговением и смиренной молитвой. О преподобном Антонии Великом сообщается: “Когда он стал изображать крестное знамение на челе и на груди своей и совершать смиренную молитву, то свирепые демоны вовсе не смели даже и приблизиться к нему и без всякого действия возвратились к тем (к волшебникам. — К.С.), которые послали их” (316-317). А сам святой Антоний учил: “Демоны никак не могут овладеть чьим-либо духом или телом, не имеют власти ворваться в чью-либо душу, если сначала не лишат ее всех святых помышлений и не сделают ее пустою и лишенною духовного созерцания” (317).

Для успешной борьбы со злым духом должно все свои помыслы открывать старцу и следовать его советам. “Первые помыслы, внушаемые им, — наставляет преподобный Кассиан, — немедля открывай старцу своему. Ибо если ты не будешь стыдиться открывать их старцу, то научишься сокрушать вредоносную главу его” (45). “Сын мой! — говорил авва Феона жившему с ним вместе в юности иноку Серапиону (впоследствии авве — К.С.), кравшему сухой хлебец, но исповедавшему свой грех, — признание твое и при моем молчании освободило тебя от этого плена; открывши свои поступки, ты поразила беса, уязвлявшего тебя при твоём молчании” (195). Авва Пиаммон учит, особенно новоначальных, следовать во всем с совершенным смирением наставлениям старцев; принимать их советы в простоте сердца и не исследовать их, не смущаться ими даже тогда, когда они будут непонятны в первое время. Именно таким образом стяжается, вырабатывается духовная опытность, необходимая и для борьбы с врагом спасения. “Никогда не придет в разумение истины тот, кто начинает учиться с исследования; потому что враг, видя, что он больше полагается на суждение свое, нежели отцов, легко доводит его даже до того, что ему будет казаться излишним и вредным даже и то, что весьма полезно и спасительно. И хитрый враг так насмеется над его самонадеянностью, что, полагаясь на свое неразумное мнение, он будет почитать для себя святым только то, что по упорству своему ошибочно будет признавать правильным и праведным” (497-498).

Также должно знать, наставляет преподобный Кассиан, что нечистые духи покоряются “святости верных”, снискивающих благодатную силу Божию (317). Авва

Иоанн рассказывал о том, как однажды к нему пришел некто “в мирском образе”. В это время у него находился одержимый “злейшим демоном” человек, исцелить которого старец не мог. Но как только вошел мирянин, злой дух устранился и оставил больного. Старец, удивившись столь явной благодати мирянина, стал расспрашивать о его жизни. И когда узнал, что мирянин в продолжение одиннадцати лет живет с женой как с сестрой, сохраняя свое и ее девство, старец воскликнул: “После сего не удивительно, что демон, не слушавший меня, не стерпел присутствия того, коего он не мог поколебать не только в пылкое время юности, но и доселе” (424).

Но самым действенным средством в брани с духами зла является принятие Святых Христовых тайн. Преподобный Кассиан напоминает, что старцами рекомендовалось причащаться как можно чаще, “даже ежедневно”. “Мы, — вспоминает преподобный Кассиан слова аввы Серена, — недавно видели, что таким способом был исцелен (одержимый злым духом — К.С.) авва Андроник и многие другие. Ибо враг больше и больше будет нападать на одержимого им, когда увидит, что он отлучается от Небесного Врачевства, и тем злее и чаще будет мучить, чем дольше он будет уклоняться от Духовного Врачевства” (300-301).

Выйдя из брани с духами зла победителем, подвижник радуется о Господе. Состояние же злых духов Преподобный описывает так: “Нет сомненья, что когда они будут побеждены нами, то будут сокрушены двояким сокрушением, во-первых потому, что люди стремятся к святости, а они, некогда владея ею, потеряли ее и сделались причиною гибели людей; во-вторых потому, что духовные существа бывают побеждены плотными и земными” (294).

В борьбе со злыми силами, чтобы не подвергнуться их осмеянию, надо знать, что они могут покоряться и “жертвами нечестивых” или какими-либо другими знаками “своих близких”. “Прельстившиеся таким мнением фарисеи также думали, что и Господь Спаситель этим искусством повелевал демонам, говоря: *Он силою веельзевула князя бесовского изгоняет бесов* (Мф. 12,24), именно по той дружбе, по которой волхвы или волшебники чрез призвание имени князя и обряды жертвоприношения, которыми он увеселяется, как короткие друзья, имеют власть над подчиненными ему демонами” (317). Подобные явления должно отличать и остерегаться их.

При всех обстоятельствах брани с духами зла, особенно если есть боязнь их “могущества и нападения”, надо обращаться к покровительству Божию, усердно просить, чтобы Господь помог одолеть врагов спасения, “о чем говорит Апостол: *Тот, кто в вас (Христос), больше того (диавола), кто в мире* (1 Ин. 4,4). Помощь Его с гораздо большею силою поборает по нас, нежели сколько воюет против нас множество врагов... Итак, верно, что никто не может быть обольщен диаволом, если кто не захочет дать ему согласие своей воли” (287).

(Продолжение следует)